

Литературная и театральная Вологда 1770—1800-х годов

ИЗ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

Вологда: Легия, 1999. 275 с. 1000 экз.

Сейчас, когда появляются пухлые монографии, толкующие об одной, хотя и прославленной, повести Карамзина, книга Р. М. Лазарчук о литературно-театральной жизни в далекой от столиц Вологде, да еще в последней четверти XVIII века, может показаться неоправданным стремлением как-то приравнять глухой угол российской провинции к шумной, кипящей и бурлящей литературно-театральной жизни столиц.

Но это предубеждение рассеивается, как только мы начинаем знакомиться с тем, что в этой книге содержится.

Те, кого интересовала личность и литературная судьба М. Н. Муравьева, конечно, знали, что адресатами его стихов были вологжане Брянчанинов и Олешев и что в его посланиях отразились пейзажи вологодского края.

Пожалуй, это все, что мы знали об этих людях и о вологодских впечатлениях Муравьева. Это тем более странно, что за последние десятилетия Муравьев, о котором долгое время мы знали из работ Гуковского и Кулаковой, сейчас привлекает к себе внимание исследователей.

В 1771—1772 годах М. Н. Муравьев живет в Вологде и ведет свой дневник «Забавы праздности. Журнал вологодских упражнений». Анализируя его стихи, — а пишет их четырнадцатилетний подросток, — Лазарчук показывает, что «возникновение интереса к человеку, частной человеческой жизни как объекту поэзии, первая попытка рассказать о себе и от себя приходится именно на пребывание поэта в Вологде».

Здесь сблизился Муравьев с Афанасием Матвеевичем Брянчаниновым, который был старше Муравьева на 9 лет, но любовь к поэзии их сроднила. Так возник еще один «Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года», в котором помещаются стихи, написанные каждым из друзей, и стихи, написанные совместно.

Муравьев посвятил Брянчанинову десять стихотворений, больше, чем кому-либо из адресатов своей лирики. И как пишет Лазарчук: «Важнее понять, почему „Послание о легком стихотворчестве“ (1783), программный характер которого не раз отмечался исследователями, адресовано вологодскому поэту, не опубликовавшему ни одного своего стихотворения. Ответить на этот вопрос невероятно трудно: сочинения А. М. Брянчанинова еще не были объектом литературоведческого анализа».

Последнее указание опровергнуто самой исследовательницей: в своей книге она в приложении воспроизвела рукописный сборник «Собрание сочинений стихами и прозой Афанасия Брянчанинова», а самому автору этого «собрания» отвела в книге особую главу (с. 44—83).

Восстановив по возможности хронологическую канву жизни Брянчанинова, Лазарчук воссоздает его психологический облик. Сделать это нелегко. Приходится пользоваться косвенными данными: «Дворянская усадебная культура последней трети XVIII века выработала несколько типов человеческого поведения. Брянчанинова трудно представить мрачным анахоретом или отрешенным от жизни сентиментальным мечтателем, крепким расчетливым хозяином, занятым только приращением доходов, или легкомысленным бездельником, позволяющим приказчику и дворецкому обворовывать своего помещика. Афанасий Матвеевич смог избежать этих (и других) крайностей <...> Муравьев нашел точную формулу бытия своего друга, сумевшего примирить естественность природы с достижениями цивилизации:

Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты,
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты».

Другая глава книги отведена Алексею Васильевичу Олешеву (с. 114—134), о котором раньше мы знали только, что Муравьев посвятил ему «эклог», в которой об Олешеве сказано:

Ты музам жертвуешь и мудрости досугом.

Начинает эту главу исследовательница с самого сложного и самого необходимого — с реконструкции биографии Олешева, о котором до сих пор существовала очень краткая двухстраничная и неточная статья в «Русском биографическом словаре».

Восстанавливая служебную и литературскую биографию Олешева, Лазарчук приводит чрезвычайно интересный пример его активного участия в деятельности Вольного экономического общества: «Забываясь о нравственном и физическом здоровье крестьян, А. В. Олешев предлагает Вольному экономическому обществу конкурсную задачу на 1768 год „О вреде для населения женить молодых парней на устаревших девках“. Победителя ждала награда от Алексея Васильевича — золотая медаль в 20 червонцев. Задача осталась нерешенной». Лазарчук вспоминает по этому поводу энергическую инвективу Радищева, но и после Радищева об этом варварском обычае писал Пушкин в «Истории села Горюхина»: «Мужчины женились обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течение четырех или пяти лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено».

Как показывает автор исследования, Олешев был не просто экономистом, он был одним из первых переводчиков Юнга в России. Другие переводы Олешева отме-

чены его религиозно-моралистическими интересами. Как верно замечает Лазарчук: «А. В. Олешев принадлежал к тому поколению русских просветителей, которые, сохраняя веру в разум и знание, уже извели горечь разочарования, незнакому их предшественникам. Оказалось, что „просвещенность“ отнюдь не означает „нравственность“, и что в „оном человеке могут ужасающе соседствовать блестящая образованность и порочная душа“».

Оставаясь в пределах изучаемой эпохи, Лазарчук не напоминает читателям, что эти проблемы оставались актуальными еще для Достоевского, да не устарели и в наше время...

А для Муравьева Олешев был, вероятно, одним из тех его вологодских знакомых, которые могли его понять и сочувствовать направлению его поэтических опытов.

Лазарчук обратилась к «терра инкогнита» — к культурной жизни Вологодского края в XVIII веке. Эти ее занятия оказались и очень трудны, и очень увлекательны. Для того чтобы наш современник, избалованный обилием материалов о самых неприметных литераторах уходящего века, мог представить себе, каких трудов стоило исследовательнице получить самые предварительные сведения о театральной жизни Вологды, приведу такой пример. Один, как его называет Лазарчук, «почтенный вологжанин» Александр Тихонович Ярославов «в течение почти двух лет (с 1 июля 1790 года по 13 июля 1792 года) день за днем с завидной пунктуальностью вносит в свой дневник все, чему оказался свидетелем. <...> Сам того не подозревая, А. Т. Ярославов создал энциклопедию вологодской жизни начала 1790-х годов». Но именно эта «энциклопедичность» дневника очень затрудняла усилия исследовательницы извлечь из двух тысяч страниц, исписанных мелким убористым почерком, многие сведения о театральной жизни Вологды. «Театральный слой» его журнала очень тонок, — с огорчением замечает она. И все же каждая скупая запись в дневнике помогает открыть новые факты. Оказывается, что в Вологде существовал частный театр, который Ярославов называет «новым вольным театром», то есть кроме любительского «благородного» театра в Вологде существовала частная театральная антреприза. Такой частный театр содержал «богатый вологодский помещик» Семен Андреевич Брянчанинов.

Заинтересовавшись личностью этого «антрепренера», Лазарчук обнаружила, что часть когда-то богатой библиотеки С. А. Брянчанинова сохранилась и находится в Вологодской областной научной библиотеке, куда она была вывезена сразу после революции. В библиотеке Брянчанинова сохранилось не только много театральных пьес, преимущественно комедий (в русских переводах). На внутренней стороне задней обложки трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» оказалась запись рукой С. А. Брянчанинова: «в роли Гостомысловой — 304 строки, в роли Ильмениной — 431 строка». Как предполагает Лазарчук, это может означать, что в театре Брянчанинова ставились не только комедии и комические оперы, но и трагедии Сумарокова.

Но если вернуться к дневнику Ярославова, то, как отмечает Лазарчук, «он сохранил некоторые подробности околотеатрального быта. Театр посещают не только „на-

стоящие городские обыватели“, но и помещики, живущие в окрестных селах. Ездят всей семьей. Но иногда дочери Ярославова, Наталья Бердяева и Александра Клементьева, отправляются на представление и без мужей... Последнее особенно важно. Значит, театральный вкус, воспитываемый с детства, уже воспринимается как одно из проявлений светскости и образованности».

Как может убедиться каждый внимательный читатель книги, исследовательница владеет искусством извлечения из скупых, неразговорчивых архивных документов живых свидетельств о культурных и литературных интересах вологжан.

Но еще может быть удивительно в этой книге, что, погружаясь в обнаруженные ею сведения о культурной жизни провинции, она ходом своего исследования приводит нас к хорошо известным столичным литераторам. Каждый, кто писал о Карамзине, не мог обойти Александра Андреевича Петрова, того самого, которому после его смерти Карамзин посвятил одну из самых своих почувствованных статей — «Цветок на гроб моего Агатона».

Глава «Вологодские связи А. Петрова» объясняет многое в жизни и характере карамзинского Агатона. Оказывается, что его отец, Андрей Петров, определил двух своих сыновей, Даниила и Александра, в Московский университет. Как отмечает автор: «Выбрать для своих детей такую судьбу мог лишь человек, который понимал важность образования». Это еще не все из того, что мы узнаем о Петрове-старшем. Он, как установила Лазарчук, стал в Вологде комиссионером книгоиздателя Н. И. Новикова, а его старший сын Даниил год служил в типографии Новикова, печатал у него свои переводы, позднее в Вологде поддерживал новооткрытую гимназию, пожертвовав «из собственной своей библиотеки книг на пятьсот рублей (огромная для того времени сумма!) на латинском, французском и русском языках 115 книг».

В этой семье образованных вологжан, связанных различными отношениями с Новиковым и его кругом, вырос человек, которому очень многим был обязан Карамзин.

Еще один вологодский деятель, о котором подробно пишет автор, — это Михаил Андреевич Засодимский (1746—1821). Имя его «сегодня известно разве только специалистам по творчеству его внука» — имеется в виду Павел Засодимский, в свое время известный писатель-народник.

В культурной жизни Вологды М. А. Засодимский, первый переводчик «Георгик» Вергилия на русский язык, занимает свое заметное место.

Р. М. Лазарчук пишет о нем, как и других персонажах своей книги, в особой манере, не всем доступной. Для нее вологодские литераторы, жизнь и деятельность которых она восстанавливает кропотливейшим анализом чаще всего сухих и скупых архивных данных, прежде всего живые люди. Она к ним пристрастна, она хочет их понять, для нее интересны не тексты, а их создатели, — и в этом привлекательность этой книги о Вологде последних десятилетий XVIII века, где, как оказалось, шла своя и очень интересная жизнь в литературе и на театре.

Илья Серман